

М.Д.Грушевский

Вся правда о жизни
великих актрис

18+

Михаил Грушевский

**Вся правда о жизни
великих актрис**

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Грушевский М. Д.

Вся правда о жизни великих актрис / М. Д. Грушевский —
«ЛитРес: Самиздат», 2008

В основу легли интервью, взятые автором у популярнейших певиц, звезд кино и театра, которые были гостями программ Грушевского, а также личные встречи автора с героями книги. Неожиданные штрихи к портретам теледив, интересные истории из их жизни, живые диалоги привлекут всех, кто любит музыку и кино. Героями новой книги Грушевского стали Татьяна Окуневская, Лидия Смирнова, Алиса Фрейндлих, Татьяна Дорониная, Людмила Чурсина, Светлана Крючкова, Нина Гребешкова, Ирина Алферова, Наталья Андрейченко. Глава «Женское счастье» содержит фрагменты бесед автора с Э.Пьехой, Л.Гурченко, Л.Сенчиной, Л.Милявской и др.

© Грушевский М. Д., 2008

© ЛитРес: Самиздат, 2008

ПОРТРЕТ АКТРИСЫ

Людмиле Афицинской – соратнице и сподвижнице

Предисловие

А. Фрейндлих: Мне обидно за всю актерскую братию: совершенно исчез жанр актерского портрета, даже попытки какого-то погружения в личность актера. А ведь это единственное, что останется потом, потому что такова актерская профессия: мы существуем сейчас, сегодня, сию минуту, и особенно это касается театра. Завтра – только память, легенда, или тот самый актерский портрет, воспоминания о какой-то значительной работе. Это то, что от нас остается.

Эти слова Алисы Бруновны я позволил себе вынести в эпиграф. Противников и оппонентов у моего любимого жанра «говорящая голова» всегда было пруд пруди, а вот защитников такого класса, как Фрейндлих – маловато. В этой книге я хочу рассказать о съемках нескольких великих женщин, снявшихся в моих московских телепрограммах. Но сначала – несколько слов о том, как я оказался в Москве.

Телевизионная муза крайне непостоянна. Сегодня ты кумир и звезда, а завтра – никто. Ситуация вполне реальная, часто ничем не объяснимая и никем никогда не объясняемая. И вот однажды наш телевизионный дуэт «Арт-обстрел» (режиссер Игорь Морозов и я), лишившись эфирного времени в родном Питере, переехал в соседний город. Главный город России, где не только людей и театров, но и телеканалов больше на порядок.. Оглянувшись вокруг и увидев, что большинство коллег работают в трех, а то и четырех местах сразу, я стал «рыть землю носом». Оброс массой нужных и ненужных связей, познакомился с продюсерами, режиссерами и телезвездами, и вот наконец...

В одной из небольших телекомпаний, обосновавшихся в «Останкино», после очередного интервью нужные люди сказали нужные слова. «А хорошие мальчишки! – услышал я из-за угла и понял, что это про нас. – Надо бы с ними какой-нибудь проект замутить!» Я возликовал, а через небольшое время рыжеволосая властная красавица в леопардовой одежде (шеф-редактор Людмила Афицинская) уже допрашивала меня в курилке о моем прошлом и настоящем, а в моей голове роились груды сценарных заявок. «Все это ерунда! – сказала красавица обо всех моих идеях и предложениях. – Будем делать то, что придумала я! Это – лучше!» Подавив обиду, пришлось согласиться. Работа была почти мукой. А результат превзошел все ожидания. Каждый день я брал интервью у тех, о встрече с кем вчера и мечтать не мог. Начался новый телецикл. «Портрет актрисы». Моим кредо стали интервью с теми, кто интервью не дает. Работали мы «с колес». Сегодня – договорились и сняли, ночью смонтировали, завтра – в эфир!

Золотые времена периода нашего «Арт-обстрела» миновали. В Москве и я, и мои близкие люди жили уже совсем в иных темпах, в иных условиях. Приоритеты расставлялись несколько иначе, чем прежде. Ни у нас, ни у наших героинь не было возможности проводить вместе много времени, а уж тем более дружить. Да и не принято это было в той ситуации. Поэтому в этой книге будет мало описаний общения автора со звездами. Вообще – о чем эта книга, спросите вы? О том, что быть звездой – это каторжный труд и ежедневный подвиг, это постоянное преодоление чужих мнений, собственного возраста и фигуры... И не всегда этот тернистый путь приводит идущих туда, где они хотели бы оказаться. Подтверждение этим прописным истинам вы найдете практически в каждой главе.

Увы, несмотря на все «профессиональное умение и врожденное обаяние», моими «тележертвами» пали далеко не все. Ах, как мне хотелось сделать передачу про Любовь Григорьевну Полищук! Как покорила нас всех сила ее таланта во время подготовки очередной «ТЭФИ»! Церемония, проходившая в ГЦКЗ «Россия», планировалась как можно более пышной и помпезной. Ее завершал массовый номер с балетом и немыслимыми сценическими эффектами. А в центре композиции, на фоне многоярусной белоснежной лестницы, Любовь Полищук в алых перьях исполняла оду телевидению. Ее окружали человек сто мужчин в смокингах. Это

зрелище забыть невозможно. И даже своим единственным телефонным звонком Примадонне я горжусь. Она отказалась сниматься в моей передаче, мотивируя это так: «Мне про себя не интересно. Простите...» Крыть было нечем, я отступил.

А главная певица нашей огромной страны! Если бы она знала, как давно и сильно я ее люблю, если бы она видела свои портреты моей кисти! Но, увы... Ее любили и рисовали многие. Она имела право выбирать и отказывалась встретиться со мной и моей камерой снова и снова. Она полностью вытеснила из моих романтических мечтаний другую небожительницу. Мирей Матье. Портретами знаменитой француженки в детском исполнении Грушевского оказались просто забиты мои антресоли. Когда-то я изображал Мирей в профиль и анфас, с зайчиком и микрофоном, задумчивой и смеющейся.

Придет время, соберу их вместе – Матье, Пугачеву, а может, и всех прочих звезд, и предъявлю им их пожелтевшие от времени портреты своей кисти!.. А пока я делаю передачи и пишу книги. И спасибо Людмиле Афицинской, которая всегда была рядом, придумывала, созванивалась, договаривалась, ругалась и хвалила, снимала и монтировала.

Алиса Фрейндлих

Алиса Бруновна Фрейндлих родилась 8 декабря 1934 года в Ленинграде в семье театральных актеров. Театром она увлеклась с детства, в школе занималась в драмкружке. После окончания школы в 1952 году, Алиса Фрейндлих поступила в Ленинградский театральный институт, затем молодую актрису приняли в труппу театра имени В.Ф.Комиссаржевской. Кинодебют Алисы Фрейндлих состоялся в 1958 году, в фильме "Город зажигает огни". В 1961 году она переходит в труппу театра имени Ленсовета, где становится одной из ведущих актрис, а вскоре Алиса Фрейндлих выходит замуж за художественного руководителя театра Игоря Владимировича. Первые фильмы – «Похождения зубного врача», «Анна и Командор» не принесли актрисе успеха. Работы же Фрейндлих в театре – "Укрощение строптивой", "Люди и страсти" – имели большой успех, благодаря ее таланту театр имени Ленсовета стал заметным явлением в культурной жизни 70-х годов. И вот 1976 год. Эльдар Рязанов снимает "Служебный роман". Алиса Фрейндлих признана лучшей актрисой года. В личной жизни актрисы произошел разлад, и они с Игорем Владимировичем развелись. В 1983 году актриса перешла в БДТ, к выдающемуся режиссеру Георгию Товстоногову. Талант актрисы засверкал в пьесе "Этот пылкий влюбленный", в котором партнером Алисы Фрейндлих был Владислав Стржельчик. В БДТ актриса работает и по сей день, играя "Коварство и любовь", "Макбет", "Стеклянный зверинец". С начала 80-х годов Алиса Фрейндлих много снимается в кино. К юбилею актрисы на сцене ее родного театра имени Ленсовета был поставлен моноспектакль «Оскар и Розовая дама». Алиса Бруновна Фрейндлих – народная артистка СССР, лауреат всех мыслимых наград...

М. Г.: *Алиса Бруновна, а как Вы решили стать актрисой?*

А. Фрейндлих: Я ничего не решала, это как-то органически само по себе вызрело, потому что семья актерская, театральная.

А вот что вспоминает отец актрисы. Когда-то я сделал интервью со здравствовавшим тогда Бруно Артуровичем Фрейндлихом. Патриарх русского театра волновался, как ребенок.

М. Г.: *Бруно Артурович, а говорят, Вы были против того, чтобы Алиса стала артисткой? Как начиналась ее карьера?*

Б. Фрейндлих: По окончании школы перед Алисой встала труднейшая проблема: или в консерваторию пойти, или в институт сценических искусств по драме. Я советовал ей пойти в театральный по драме. "В опере, – сказал я ей, – ты будешь по своим природным данным петь небольшие партии, а в драме – рост твой не помеха. Скорей наоборот, он поможет обрести тебе много хороших ролей". Она верила в меня тогда как в бога. Я предугадал ее предназначение и, не колеблясь, указал на драму.

Я напомнил и Алисе Бруновне об этом интервью.

М. Г.: *Алиса Бруновна, как начиналась Ваша карьера? У Вас же была фамилия Вашего знаменитого отца?*

А. Фрейндлих: Меня съели уже в институте, я была обглодана со всех сторон. И в течение четырех лет пребывания в институте все время доказывала, что я сама по себе. Хотя генетически я была, конечно, связана с отцом и обязана ему по природе какой-то. Но мне надо было доказывать, что я имею право и на самостоятельность. Это было непросто. Так что меня обглодать – обглодали, но доесть – не доели.

М. Г.: *Алиса Бруновна, могли бы Вы обозначить любимое время и место в Вашей жизни?*

А. Фрейндлих: Театр Ленсовета, семидесятые годы. Тогда было самое золотое время жизни театра и моей жизни. Это был тот самый благословенный пик, когда и силы еще в полной мере фонтанируют, и опыт жизненный приобретен – творческий, человеческий, профессиональный. В театре один за другим выходили очень хорошие спектакли. Мы даже немножко пугались, нам казалось, что в этом есть что-то опасное. Подряд за пятилетие вышли «Дульсинья Тобосская», «Люди и страсти», «Преступление и наказание», «Левша» – спектакли, которые публику заставляли с вечера занимать очередь за билетами. Я любила свой театр, любила его лидера Игоря Петровича Владимирова.

М. Г.: *Вам сложно было входить в коллектив БДТ?*

А. Фрейндлих: Непросто, потому что труппа была богата звездами, действительно очень сильными актерами, особенно была сильна мужская труппа. И я себя очень долго ощущала пришельцей – у коллег было странное предубеждение: раз я была одной из ведущих актрис в театре Ленсовета, видимо, пришла, чтобы претендовать на эту же роль и в БДТ. А мне как раз нужно было начать все сначала, мне казалось, что холодный душ, свойственный всякому началу, просто необходим, чтобы ощутить себя заново. Так что ощущение от меня и мое внутреннее ощущение абсолютно не совпадали. Это надо было преодолеть.

М. Г.: *Сейчас поползли какие-то очень неприятные слухи по поводу печальной судьбы театра БДТ. Якобы он заканчивается, умирает. Это правда, на Ваш взгляд?*

А. Фрейндлих: Да, появляются какие-то очень обидные статьи в газетах про то, что театр умер. Уже почти панихида. Если бы эти опасения звучали хотя бы с чувством сострадания и сожаления, может быть, мы бы это восприняли иначе. Но они, мне кажется, имеют ноту ликования. Это несправедливо и неблагородно. Мне думается, театру стало худо, когда Георгий Александрович Товстоногов ушел из жизни. Это такого масштаба личность, режиссер и руководитель, что мы тотчас почувствовали сиротство. Пришли новые режиссеры, очень хорошие режиссеры, но они все-таки диктуют свою волю. В результате за все это время в театре продолжают раздаваться очень неплохие музыкальные ноты, которые не складываются в музыкальные фразы.

М. Г.: *Как-то я спросил у Тимура Чхеидзе (одного из ведущих режиссеров БДТ), почему Алиса Бруновна не сыграет роль Гамлета? Он ответил, что она слишком умна для этого.*

А. Фрейндлих: Он имел в виду, наверное, что слишком умна для того, чтобы пойти на такой рискованный шаг. Для того чтобы сыграть роль Гамлета, не надо иметь много в голове. Так что это не является препятствием. Препятствием является что-то другое, может быть, чувство страха и опасность, которую таит в себе этот шаг. Наверное, он это имел в виду. Я столько делала глупостей в своей жизни, что удостовериться в том, что я достаточно умна, мне было непросто.

Но... Театр – театром, а портрет – портретом. Еще несколько штрихов из разговора с отцом актрисы...

М. Г.: *Бруно Артурович, кто придумал-то имя «Алиса»?*

Б. Фрейндлих: Я тогда работал актером в Ташкентском театре Красной Армии. В декабре получил телеграмму: «Родилась дочь. Приезжай. Ждем. Будем рады». Можете себе представить, какое чувство я испытал? Я – отец! Приехал в Ленинград. Качал всю ночь капризную девчонку. Ходил туда и обратно по коридорам, все голову ломал: как назвать эту реву? Как-то трудно сочетание найти к имени Бруно. Не назвать же ее Екатерина Бруновна или Варвара Бруновна, или Фекла Бруновна. (Смеется.) И вдруг, совершенно невзначай произнес: «А что, если Алиса?» (Со значением поднимает указательный палец.) И можете себе представить, на мой возглас крикунья внезапно замолчала, как будто согласилась со мной. Я потихонечку уложил ее в постель, сам лег и долго соединял ее имя с моим: Алиса Бруновна. Вот так до сих пор ее и величают.

И мы, спустя много лет, продолжаем разговор с той, кого отец окрестил одной бессонной ночью...

М. Г.: *Алиса Бруновна, а Вы помните свою первую любовь?*

А. Фрейндлих: Это было в детском саду. Я одного мальчика очень сильно любила. В нашем детском садике было такое правило (этот эпизод произошел на даче, нас вывозили туда всем садиком): когда родители привозили какие-то сладости, то эти сладости собирались в одну корзинку, а потом делились между всеми. И я потребовала нахально от воспитательницы, чтобы она этому мальчику дала именно вот такую конфету, потому что я точно знаю, что эти конфеты мне привезла мама. Она мне сказала: «Алиса, встань и выйди вон из комнаты». Я ответила: «Нет, я знаю, что эти конфеты мне привезла мама, и хочу, чтобы вы дали (не помню имени этого мальчика) ему еще одну конфету». Тогда она взяла меня за руку и потащила вон из комнаты. И я разъехалась на шпагат с криком: «Не на-а-а-до!» И это при нем меня вытащили на шпагате из комнаты! Я помню мое состояние всю жизнь! Как только я попадаю в какую-то стыдную ситуацию, я вспоминаю это «Не на-а-а-до!» Вот так сильны впечатления детства.

М. Г.: *Алиса Бруновна, Вы счастливый человек? У Вас сохранилось равновесие счастья и несчастья, которое нужно для осознания счастья?*

А. Фрейндлих: Я счастливый человек. Во-первых, я занимаюсь любимым делом, я нисколько в нем не разочаровалась, и, если бы мне Бог дал силы, я занималась бы этим до конца дней моих... А во-вторых, у меня замечательная дочь, замечательные внуки, что еще нужно? Никогда особенно не разочаровывали друзья, не предавали всерьез, а если и предавали немножко, то ровно настолько, что я, поставив себя на их место, могла их оправдать. Совершенно не поддающихся оправданию предательств никто по отношению ко мне не совершал.

М. Г.: *А мужчины предавали?*

А. Фрейндлих: Предавали, но достаточно было аргументировать все, чем они руководствовались, и сразу находилось оправдание. Надо только почаще читать Евангелие, и все становится на свои места. Мне кажется, что если бы сейчас (нам, наверное, поздно, и детям нашим тоже поздно) хотя бы малышей, которые растут, заставили не только выучить, но и поверить в десять заповедей, совсем бы другое поколение пошло, и тогда была бы надежда, что нравственно мы выживем. Я имею в виду – Россия.

Со времени нашей предыдущей встречи с Алисой Бруновной прошло уже несколько лет. Актриса приехала в столицу, чтобы получить национальную театральную премию «Золотая

маска» в номинации «За честь и достоинство». Мы подъехали к невероятно пафосному отелю в самом центре Москвы и, пройдя несколько зон охраны, оказались в номере, где остановилась Фрейндлих. Она уже получила свою премию, но лицо ее было недовольным: «В этом номере нельзя курить. Как здесь люди живут? Это что-то невозможное! Когда что-то запрещают, я немедленно хочу это сделать!» Мы пошли в ванную комнату. Включили холодный душ для вытяжки дыма и зашелкали зажигалками. Поздравив актрису, я поведал Алисе Бруновне о статье злобной критикессы, вышедшей после нашей последней программы. «Алиса Фрейндлих не дает интервью. И правильно делает!» – это был основной лейтмотив публикации. Наша героиня только усмехнулась.

А. Фрейндлих: Я проснулась сегодня с дикой головной болью. Всю ночь пыталась заставить себя спать. Мне это не удалось. То ли потому, что волновалась, то ли потому, что на солнце какие-то там бури бесконечные. Я уже начинаю быть метеозависимой. Весь день боролась с головной болью, пыталась как-то себя привести в порядок, погасить на лице бессонную ночь. Потом поехала на «Маску». Тряслась, волновалась, считала пульс. Он был где-то в районе ста двадцати. Принимала валидол. Я всегда волнуюсь, когда происходит что-то значительное, связанное со сценой. Потом, когда все уже было позади, когда вся процедура закончилась, я вдруг испытала дикое облегчение. Оттого, что все позади. Вот такой у меня интересный день.

М. Г.: *У Вас есть в жизни все. А чего еще Вам хочется?*

А. Фрейндлих: Покоя. Мне кажется, что сейчас я веду очень беспокойную жизнь. Мне хочется, я жду и прошу для себя хорошей доли спокойствия в этом беспокойствии.

М. Г.: *Алиса Бруновна, ведите беспокойную жизнь как можно дольше. Спасибо Вам огромное.*

Актриса живет по-прежнему беспокойно, много репетирует, играет, остается всеобщей любимицей – и не только в родном Питере, но и во всей стране. Я – свидетель. И еще. Встречей с этой актрисой закончилась первая книжка, и с нее же начинается вторая. По-моему, символично.

Ирина Алферова

Ирина Ивановна АЛФЕРОВА родилась 13 марта 1951 г. в Новосибирске. По иронии судьбы, вся жизнь бывшей супруги Александра АБДУЛОВА укладывается в название ее первого фильма – «Хождение по мукам». В 1972 г. окончила Государственный институт театрального искусства им. А. В. Луначарского. Дебютировала в кино в фильме «Серебряные трубы» в 1972 г. С 1976 г. в театре им. Ленинского комсомола. Сначала ей не давали ролей в театре, потом она тяжело переживала разрыв со звездным мужем, потери родных и близких. Ирина Алферова – человек чрезвычайно закрытый. Интервью дает редко, разговаривает с репортерами осторожно и сухо. В 1993 г. удостоена звания заслуженной артистки России, в 2007 г. – народной артистки. Снималась в фильмах «Хождение по мукам», «Д'Артаньян и три мушкетёра», «С любимыми не расставайтесь», «Мужество», «Незванный друг», «Предчувствие любви», «Салон красоты», «Ночные забавы», «Ермак», «Сонька Золотая Ручка».

Когда-то ее называли одной из красивейших актрис советского кино. Прошли годы. Наше кино перестали именовать советским, а она осталась в нем, пожалуй, самой красивой.

М. Г.: *Ирина, а какие у Вас есть недостатки, кроме Вашей красоты?*

И. Алферова (с улыбкой): *У меня много недостатков, это у близких спросите. Я вредная, очень вредная.*

М. Г.: *А еще какая?*

И. Алферова: *Какая я... Чисто внешне – берешь зеркало и видишь в нем глазки, губки, носик. А красота в другом. Когда ты что-то такое в себе начинаешь понимать, что-то такое формулируешь и идешь дальше. Тогда это интересно. И на все это уже*

нанизуется имидж. Человек, который что-то про себя понимает, уже не может многого себе позволить. Нет, хочется похулиганить иногда...

А вот мнение партнера Алферовой по театру, знаменитого Льва Дурова: У нее поклонники – фактически все мужское население. Вы не представляете, сколько раз подлетали люди на улице, приходили за кулисы и пытались делать очень дорогие подарки! Она всегда отказывается. Я ни разу не видел, чтобы Ирина Ивановна на мужчину посмотрела не как на поклонника, у нее очень сильная стенка по отношению к людям. И никакой стенки по отношению к тем людям, которых она любит, и к своим близким.

Знаменитый театр «Школа современной пьесы». Кабинет худрука храма Мельпомены – Иосифа Райхельгауза. Самая красивая в этот вечер играет здесь в «Чайке». Интервью будет сразу после. Оператор ворчит: ждать долго, актриса устанет, будет плохо выглядеть. Но я-то знаю, что такое адреналин. После спектакля актриса будет еще прекраснее. Она будет лететь на волне еще не стихнувших аплодисментов, и это сработает и на нас, и на нее. Выходя куда-то за кулисы покурить, я вижу Алферову, выскочившую со сцены передохнуть. Она носится, как весенний ветер, весело смеется, а потом вдруг делает какой-то балетный батман и упархивает на сцену вновь.

Наконец, невероятно длинная «Чайка» заканчивается. Роняя цветы и сверкая бриллиантами, актриса проходит в гримерную. И буквально через минуту Ирина входит в кадр, уже переодетая, по-другому причесанная, припудренная. «Я готова, идемте!»

М. Г.: *Как Вы решили стать артисткой?*

И. Алферова (смеясь): Я буду долго рассказывать, как я решала. Не знаю. Я сейчас очень интересуюсь эзотерической литературой. И в связи с этим думаю, что со всеми это происходит одинаково. Когда человек в юном возрасте выбирает, кем ему быть, это даже не его решение, это идет откуда-то свыше. И когда он это произносит, может быть даже неосознанно, не очень формулируя мысль, это уже происходит. Вот у меня именно так и было, то есть я ничего не формулировала, просто мне хотелось. Я никем другим не хотела быть.

М. Г.: *С детства все вокруг говорили: «Ой, какая красивая девочка, будет артисткой!»?*

И. Алферова: Говорили, конечно, что красивая девочка, но я никогда этому не верила и страшно страдала. Одна красивая актриса (тоже очень известная) писала о том, что она боялась: а вдруг люди увидят, какая она некрасивая, и будут думать, что она обманщица. И я всю жизнь думала, что это так. С детства, услышав очередное «Ой, какая девочка красивая», приходила домой, в зеркало смотрелась и думала: ну что ж они увидели красивого-то, самая обыкновенная девочка, завтра они проснутся, увидят, что я некрасивая, и будут говорить, что я их обманывала. Я очень страдала от этого.

У нас был очень талантливый двор. Сейчас все дети сидят у компьютеров, а мы играли. Играли с утра до ночи. Наша жизнь была интересной, насыщенной. Мы ставили сказки во дворе и многие пенсионеры приходили на нас посмотреть. Они огородили садом наш двор, поставили сцену, и мы играли для них на этой сцене. Устраивали праздники, концерты, были этим заняты с утра до ночи. Мамы насильно загоняли нас в кровати.

У меня был педагог, и когда он спросил: «Ты все-таки будешь актрисой?», я ответила: «Да, поеду поступать». Он: «Если ты хочешь быть актрисой, поезжай только в Москву».

М. Г.: *Поступали в институт трудно?*

И. Алферова: Я опоздала и пришла сразу на второй тур в ГИТИС, сразу прямо на сцену попала. И помню, как педагоги посмотрели на меня – и между собой: «У нас героиня есть на курсе? Нет, героини нет». И меня взяли сразу же.

М. Г.: *Вы поступили в ГИТИС, и Вам пришлось жить в общежитии, одной в чужом городе, в большом городе. Как Вы себя чувствовали?*

И. Алферова: Страдала, конечно, потому что я — мамина дочка, и маму очень любила всю жизнь. Целый год в Москве я плакала. Я была с косичками, с голубыми бантами, с белым воротничком, с куклами. Да, с куклами, я их посадила в общежитии на кровать, как дома. Но, думаю, что это потрясает, когда человек оказывается один, потому что формироваться надо в одиночестве.

М. Г.: *«Хождение по мукам» — первая ваша большая замеченная всеми роль, она не напугала Вас тем, что второй такой могло и не быть?*

И. Алферова: Нет, не пугала, потому что я читала много воспоминаний других актеров, и они там говорили: я — актер одной роли. А бывает так, что и ни одной роли, то есть ты видел человека, а ни одной роли не вспомнишь. Поэтому я считаю, что замечательно, если есть такая роль в жизни, которую все вспоминают. Происходит попадание, и люди тебя запоминают. Я считаю, что «Хождение по мукам», Даша – это попадание в мою человеческую сущность. И самое главное – режиссер. Мне несказанно повезло, что это был Василий Ордынский. Он очень цельный, сильный человек, настоящий мужчина, офицер, прошел всю войну. Он очень серьезно ко мне относился и все время говорил, что я делаю правильно, а что нет.

М. Г.: *Вас изменила эта роль? Вас вообще меняли Ваши роли?*

И. Алферова: Изменила, потому что ко мне серьезно относились. Мне говорили: «Ты человек очень хороший, ты интересная женщина!» Ведь для девочки очень важно, в какие руки она попадает. Я попала в очень хорошие руки, настоящие, человеческие, мужские.

М. Г.: *Среди зрителей существует достаточно большая категория людей, для которых Вы — прежде всего Констанция Буонасье из «Трех Мушкетеров». Каково Ваше отношение к этой роли, к партнерам по фильму?*

И. Алферова: Миша Боярский очень хороший партнер, даже гениальный. Мне кажется, для него отдельный театр надо было создавать. Я недавно была с ним на концерте, и испытала настоящее потрясение. Как он держал зал, какой он умный, как он интересно существует, как интересно мыслит! Миша все время открывал какие-то истины, на сцене безумствовал совершенно! Я стояла за кулисами и восторгалась. Хотя и раньше нравился – в образе мушкетера. Его внешние данные, его талант и то, как он поет. Мне вообще с партнерами везло. Это и Юрий Соломин, и Даль Олег, и Абдулов Саша, и Лева Дуров. И, конечно, Сергей Мартынов, последний партнер мой любимый, незаслуженно не сыгравший значимых ролей. Он личность необыкновенная: красивый, талантливый, очень умный.

Лев Дуров: То же самое могу сказать в ее адрес. Спектакль «Все будет хорошо, как Вы хотели» мы играем уже десять лет, и у нас ни одного спора, не говоря уж про ссору, ни одного конфликта не было. Она не из тех актрис, которые считают себя примадоннами и которые моментально очень болезненно на все реагируют. Она нормальный рабочий человек в репетициях и на сцене.

Это в готовой передаче каверзный вопрос последовал уже после комплимента серьезного артиста и коллеги по театру. А на съемочной площадке вопрос прозвучал весьма резко.

М. Г.: *А теперь расскажите мне, как серьезная, умная актриса Ирина Алферова вдруг стала сниматься в видеоклипах Александра Серова, Игоря Крутого?*

И. Алферова: Это часть профессии, особенно сейчас. Такое время, что сам бог велел сниматься в клипах.

М. Г.: *Вы же были первой, кто снялся в клипе Александра Серова?*

И. Алферова: Думаю, что у меня единственной и получилось. Вот так нагло заявляю. У меня там почти биография создана, даже о характере можно говорить, есть какая-то страсть, которая перехлестывает через край. Поэтому люди и запомнили клип и полюбили его. Клип меня преследовал много лет. Все только о нем и говорили. Просто так ничего не бывает, туда было вложено очень много хорошего, очень много энергии, и поэтому получилось. Мне песня нравится, мне нравится голос Саши Серова, он на меня как на женщину очень действует. Когда я слышу его песни, мне совершенно в другом ритме хочется жить. Я люблю, когда у мужчины есть голос, когда тембр красивый. И Саша этим обладает. Певец должен петь. И потом, и Игорь Крутой, и Саша хотели, чтобы именно я это сыграла. А это всегда приятно, когда тебя приглашают на роль с любовью.

М. Г.: *Спустя несколько лет Вы снялись в видеоклипе снова. На этот раз это был клип «Хрустальный бокал» уже самого Игоря Крутого.*

И. Алферова: Мне кажется, очень хороший клип получился. Уже иная биография, совершенно другая женщина. По-моему, у меня получилось сыграть какой-то характер. Я смотрю этот клип, и мне кажется, я там не просто манекенщица. Но, к сожалению, не слушают же тебя! В первом-то клипе послушали, и я смогла от себя многое внести, и поэтому интереснее получилось. Здесь не стали слушать, хотя я предложила, как сделать этот клип от лица женщины-алкоголички. Это очень было бы интересно. Многие женщины пьют на каком-то этапе своей жизни. Бывает такое одиночество, что думаешь, будто в этом выход. И дай бог, чтобы женщина поняла: не хочу, чтобы жалели, не хочу вообще быть страдальцей (мол, я артистка, у меня все плохо, я спилась). Хочу быть счастливой, довольной.

Я предложила вариант, когда героиня клипа – алкоголичка в пиковом состоянии. Ее бросили, и остается только это. И сыграть вокруг этого бокала то, что знакомо мне. Я думаю, что каждой женщине это знакомо. Просто кто-то испытывает это секунду, кто-то день, кто-то час, кто-то на всю жизнь уходит в это.

Когда-то на факультете журналистики нас учили, что у публикации обязательно должен быть так называемый информационный повод. «Если его нет, не надо делать этот репортаж, или просто возьми и высоси повод из пальца! Ты, – зудел нудный лектор, – должен знать, почему именно сегодня делаешь именно этот материал!» Ах, эти воспоминания об учебе! Как невовремя они лезут в голову! У нас-то был повод для интервью – юбилей актрисы. Раскрою секрет: если в эфире центрального телеканала вы видите большой фильм о той или иной актрисе, у нее, скорее всего, круглая дата. Это повод для телеканала. Но кто из женщин, тем более знаменитых, любит разговоры о возрасте? Первая, да и последняя, кого помню, – это замечательная ленинградская театральная актриса Елена Юнгер: «Я всегда прибавляю себе пять лет. Пусть удивляются и говорят, как я хорошо сохранилась!»

М. Г.: *А трудно работать вместе супружеской паре?*

И. Алферова: Супругам сложнее играть вместе, потому что все-таки это должен быть новый мир, который создается на ровном месте, абсолютно новый мир. И ты уже другой человек. Когда такое играют незнакомые люди, то они вместе этот мир создают, а когда близкие люди играют чужую любовь, то все равно за ними тянутся их прежние отношения. Стоять рядом в кадре все же лучше чужим людям. Это гораздо интереснее.

М. Г.: *Как вы живете сейчас?*

И.Алферова: Я очень счастлива, потому что человек, который рядом со мной сейчас живет – и самый красивый, и самый умный, и самый талантливый. Это факт. Я сейчас формально вроде не связана, но когда просто любишь человека, то как-то все сильнее, интереснее, ярче. Я наблюдаю, как люди живут: мужья с женами последние годы почему-то все время ругаются, а вроде надо жить вместе. Жизнь такая короткая. Мне нравится любить человека, который со мной рядом, но быть при этом совершенно свободной. Мне не нравятся все эти регистрации, все эти обряды. Все это как-то обесмысливает, упрощает и облегчает совершенно не в ту сторону.

Алферова была предельно откровенна. А мне после таких исповедальных ответов всегда хочется как-то снивелировать ситуацию, спросить о чем-то земном, бытовом, малозначительном. Ну, например:

М. Г.: Что Вы будете делать сегодня вечером?

И. Алферова: Выйду из театра, буду долго ехать на машине (я очень люблю ездить одна), включу радио... Я очень редко слушаю музыку, потому что тут же поддаюсь ее влиянию, а сейчас я что-нибудь послушаю, наполнюсь какой-нибудь атмосферой... Потом будем вместе ужинать и пить шампанское, у меня есть «Брют» в холодильнике, я очень люблю сухое шампанское. Все будет красиво, что-нибудь такое надену, буду совсем другая...

Она улыбнулась, и мы простились... Везет же некоторым! Сплошная романтика! Музыка, шампанское... А чего я ждал? Признаний о том, что нужно ночью помыть посуду и выстирать белье? Нет, актриса права: мифы разрушать нельзя. Она – миф – уехала отдыхать. А мы, наспех купив какие-то чипсы и неизбежное пиво в одном из бесчисленных киосков внутри тогдашнего телецентра «Останкино», бросились в монтажную аппаратную и до утра колдовали над программой.

Лидия Смирнова

Лидия Смирнова родилась 13 февраля 1915 года. Детство провела в Сибири. Потом переехала в Москву к тете. 3 года проучилась в хореографическом училище при Большом театре. Ее карьера в кино началась с роли Шурочки в лирическом музыкальном фильме «Моя любовь». Она пришла в театральное училище при Камерном театре по простой причине – оно было ближе к дому. Карьера Смирновой начала складываться к 1941 году. За годы творческой деятельности Лидия Смирнова сыграла десятки ролей в кино: "Моя любовь" (1940), "Случай в вулкане" (1941), "Парень из нашего города" (1942), "Она защищает Родину" (1943), "Морской батальон" (1946), "Сыновья" (1946), "Новый дом" (1947), "У них есть Родина" (1950), "Донецкие шахтеры" (1951), "Серебристая пыль" (1953), "Об этом забывать нельзя" (1954), "Крутые горки" (1956), "Две жизни" (1957), "Большая жизнь" (1958), "Трое вышли из леса" (1958), "Мичман Панин" (1960), "Твои друзья" (1961), "Это случилось в милиции" (1963), "Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен" (1964), "Секретарь обкома" (1964), "Тишина" (1964), "Женитьба Бальзаминова" (1965), "Дядюшкин сон" (1966), "Деревенский детектив" (1969), "Факир на час" (1971), "Последний форт" (1972), "Наследницы" (2001) и др. Она играла с великими русскими актерами и с режиссерами – классиками советского кино.

Непрерывный кинематографический стаж Лидии Смирновой составил более 60 лет, ее фильмография насчитывает около 60 картин. Народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР, кавалер орденов Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Знак Почета, "За заслуги перед Отечеством" III степени, Дружбы, награждена многими медалями.

Ее жизнь была буквально пронизана любовью. Уже первый ее фильм под судьбоносным названием «Моя любовь» сделал из девушки суперзвезду советского кинематографа. В нее

влюблялись самые достойные мужи отечества, массовая зрительская любовь и поклонение шли с ней по жизни рука об руку.

Смирнова родилась в далеком селе, отец Лиды был белогвардейцем и почти всю жизнь, заполняя анкеты, она скрывала этот факт. Мать умерла очень рано, и крошку Лиду удочерили родственники.

М. Г.: *Лидия Николаевна, с огромным удивлением я узнал, что Вы родились не в Москве. А как Вы оказались в этом городе?*

Л. Смирнова: Вы знаете, мне было лет семь, или даже меньше. Мы приехали из Сибири. Мои тетя и дядя, которые меня удочерили, ехали в Ригу, но почему-то их не пустили туда, и они осели в Москве. Нам дали две комнаты в большой коммунальной квартире на Сретенском переулке. У дяди с тетей нас было трое: я, братик мой двоюродный и сестренка. Я была старше и их нянчила. Мы жили очень трудно. Дядя был бухгалтером, и нам еле-еле хватало на жизнь. Я только помню сидящих за столом тетю и дядю, которые с листочком бумаги и с карандашом подсчитывали, сколько есть у них денег, сколько им нужно на еду потратить, сколько осталось до зарплаты. Эти их расчеты остались у меня в памяти. Утром мы всегда пили чай, и можно было съесть только один кусок хлеба с маслом, два кусочка сахара и выпить чашку чая. Потянуться за третьим кусочком сахара я уже не могла.

«Хорошая девочка Лида». Это знаменитое стихотворение было написано явно не о нашей героине. Ведь Смирнова никогда не была пай-девочкой.

М. Г.: Насколько я знаю, у Вас был довольно шаловливый характер? А тетя ведь была строгая...

Л. Смирнова: Вы знаете, я каждый день молилась – она меня заставляла. Читала «Отче наш», а потом говорила: «Господи, пошли здоровье Лене, Милочке, дяде Пете, всем родным, знакомым, а тетка пускай умрет!» Я говорила это каждый день шепотом, оглядываясь. И все же именно она меня воспитала, она меня приучила к порядку, строгости, и я бесконечно ей благодарна, несмотря на очень суровое воспитание.

М. Г.: *Наказывала Вас?*

Л. Смирнова: Да. По национальности полька (ее фамилия Буровик), она была очень чистоплотной и очень строгой. Иногда меня лупцевала. Я ее боялась.

Мы прерываем интервью, чтобы продолжить его возле дома, о котором идет речь. Лидия Смирнова, даже дома носящая каблуки, вдруг оступилась и пошатнулась. Мы замерли, а она рассмеялась: «Когда я была молодая, я иногда изображала стариковскую походку. Как они шатаются и еле ходят...» Она показывает, как она это делала и заканчивает: «Какая же я была сволочь!» Все смеются. К каблукам актрисы добавляется норковая шубка, оренбургский платок, мы благополучно выезжаем на Бульварное кольцо и приближаемся к старинному дому, где когда-то происходили вышеописанные события.

М. Г.: *Добро пожаловать в Ваш дом.*

Л. Смирнова: Ой, боже мой, боже мой, здесь совершенно ничего невозможно узнать! Здесь была моя коммунальная квартира. Но совершенно невозможно узнать эти места. Как невозможно узнать Москву, как нельзя узнать жизнь, которая сейчас. Но сердце наполняется чем-то горячим. Ой, боже мой, боже мой, как жалко, что так быстро пролетело время...

Мы проходим буквально несколько кварталов и приближаемся к старому школьному зданию. Трудно представить, что Смирнова была девочкой, которая бегала здесь, размахивая портфелем, и отчаянно озорничала...

Л. Смирнова: Ну, вот и моя школа. Мой дом родной. Наверное, из этого окна я выбросила табуретку, за что была исключена.

М. Г.: ???

Л. Смирнова: Мы дрались с ребятами, и я выбросила табуретку в окно. И табуретка какую-то женщину искалечила, а меня выгнали из школы.

Как все меняет время! Пройдут годы, трехметровый портрет Лидии Смирновой будет украшать цеха АЗЛК, а ее саму будут приглашать на открытие первых станций метро как почетную гостью.

М. Г.: *И первая любовь происходила в этой школе?*

Л. Смирнова: Да, в этой школе. Я ходила с бантом, а учитель литературы говорил, что «когда Лида смотрит на меня, когда я читаю лекцию, то мне кажется, что она ничего не слышит. Она все время поправляет бант и стреляет глазами».

Ах, какие романы подарила Лидии Смирновой жизнь! Ах, как был влюблен Исаак Дунаевский, а еще... Но сначала – о первой любви будущей кинодивы.

Л. Смирнова: Я была влюблена в Виктора Лагодюка. Я была влюблена в него настолько, что целовала его парту. А ребята подсмотрели, и меня потом дразнили за это. А позже я этого Витю Лагодюка совершенно случайно встретила в парикмахерской. И не узнала. Я делала маникюр, а он причесывал какую-то женщину и все время на меня смотрел. Это произошло, когда я уже была популярна, уже вышли мои первые картины, и вдруг он подходит ко мне и спрашивает: «Вы Смирнова?» Я отвечаю: «Да, а что?» Он говорит: «А я – Витя Лагодюк». Только я и он в этой парикмахерской помнили наше детство, и мы с ним просто рассмеялись.

М. Г.: *Лидия Николаевна, как дальше складывалась Ваша жизнь? Куда Вы пошли учиться, работать?*

Л. Смирнова: Тогда была семилетка, я рано получила среднее образование, и мне нужно было делать все, для того чтобы получить какую-нибудь профессию. Я поступила в авиационный институт. Поступить было очень трудно: принимали сначала детей рабочих, а затем детей служащих. Но я поступила на вечернее отделение. Днем работала, а вечером училась. А еще успевала и лыжами заниматься, и теннисом, и в театр ходить. На все хватало времени, будто сутки были намного больше, чем сейчас...

М. Г.: *А когда Вы ходили в театр, у Вас не возникало чувства, что Вы должны быть не в зале, а на сцене?*

Л. Смирнова: Вы правы, когда я ходила в театр, то всегда покидала его в плохом настроении. Я помню, что смотрела спектакль, в котором была занята Гоголева. И подумала: ну почему не я на ее месте? И чувство досады, неудовлетворенности, какой-то зависти, что я не там, не на сцене, породило мысль: а что, если стать актрисой? И тогда я подала заявления во все театральные учебные заведения, даже во ВГИК.

М. Г.: *Как Вы поступали, как это происходило?*

Л. Смирнова: В то время на экране шел какой-то американский фильм, и там была очень красивая актриса с замечательной фигурой и в таком красивом платье из панбархата в белый горошек с голой спиной. Я очень захотела быть похожей на нее. Поэтому купила сатин-либерти и сама сшила себе платье, точно такое же. Я его надела на голое тело, затянулась и очень понравилась себе. В таком виде я и пришла на экзамен к Таирову. Там было задание сделать этюд: как будто я сижу дома одна, у меня болит голова, мне звонит возлюбленный и приглашает в театр. «Ах, как болит голова!» – играла я. Потом: «А в какой театр, ах в Камерный?» Я оживлялась: «Прекрасный театр!» Я начала хвалить всех сидящих в комиссии. А там ведь замечательные актеры были, в том числе Алиса Коонен. Я перечислила всех актеров, очень их нахваливая. «Тра-ля-ля, тра-ля-ля, я иду в театр, я иду в театр!» – танцуя и напевая,

закончила свой отрывок. Александр Яковлевич Таиров сказал: «Спасибо, девушка. Все очень хорошо, только я бы хотел Вам посоветовать, чтобы Вы сохранили свою непосредственность». А непосредственностью он назвал мою откровенную лесть.

А еще до войны Лида успела стать и кинозвездой, и женой. Мы проезжаем по зимней Москве и подъезжаем к небольшому особнячку, притаившемуся в глубине двора на Патриарших прудах. Неприметный домик уютится рядом с чудесами «уплотнительной застройки» — многоэтажными великанами. Видимо, уцелел чудом.

М. Г.: *Лидия Николаевна, когда Вы тут жили?*

Л. Смирнова: Боже мой, невозможно без слез смотреть на этот особняк. В нем когда-то жил владелец мраморного производства. Дом такой неказистый снаружи, но внутри — мраморные колонны, подоконники. И у нас была огромная комната. Там было печное отопление.

Мы с трудом доставали дрова, надо было стоять за ними в очереди с раннего утра, мерзнуть. А когда мы топили, очень часто дым шел обратно, и тогда надо было открывать форточки, окна, чтобы проветрить. И снова топить. Несмотря на все трудности, мне почему-то часто вспоминается житье в этой комнате. Я была молода, энергична, оптимистична, и рядом всегда был мой замечательный муж, спортсмен, красивый, сильный. И мы с Сергеем Добрушиным вместе все это делили.

Вспоминается начало войны. Я побежала в булочную утром. И там услышала о войне. Тогда даже невозможно было представить, что нас ждет дальше. Из этого особняка я провожала мужа на фронт. И когда мы шли по улице в шесть часов утра (он с вещевым мешком), то я держалась за него и не знала, что вижу Сережу в последний раз. Все, кто стоял в очереди у булочной, поворачивали в нашу сторону головы, провожая взглядами. Сережа сказал: «Мы дойдем до угла Садовой, и ты пойдешь обратно. Только, пожалуйста, не плачь и не оглядывайся».

Ах, Лида Смирнова! Жизнь уносила молодость и красоту все дальше и дальше, отнимала любимых и любящих, а она в душе оставалась все той же юной красавицей, когда-то певшей: «Значит, ты пришла, моя любовь!»

Видимо, это закон жизни, знание которого приходит с возрастом. Алиса Фрейндлих в нашем интервью однажды обмолвилась, что она внутри недостаточно постарела, чтобы соответствовать тому, что произошло снаружи. Была, между прочим, неправа: выглядит превосходно. А Роман Виктюк как-то воскликнул, что возраст — величайшая бестактность природы. И сказал, что ему — всегда 19, Образцовой — 14, Фрейндлих — 16. Вот так...

Голос старой женщины дрожит, и я уже жалею, что мы все это затеяли. Но... не останавливаться же на полпути... Мы входим в подъезд и видим крутую деревянную лестницу, которая ведет на второй этаж. Смирнова потрясена. Мы, естественно, тоже.

Л. Смирнова: Вот это да! Даже не верится, что прошло столько лет, я здесь не была с сорок первого года, да и не могла быть.

М. Г.: *И все та же лестница?*

Л. Смирнова: Может быть, даже была и хуже. Но я-то тут жила, каждый день по ней ходила.

М. Г.: *И где была Ваша комната?*

Л. Смирнова: В конце коридора.

Открывается дверь в комнату, где 60 лет назад жила советская кинозвезда вместе со своим мужем. Сейчас здесь офис. Компьютеры, столы. Смущенные работники были предупреждены заранее. Они предлагают присесть...

Л. Смирнова: Здравствуйте. Неужели это моя комната? У меня такое ощущение, что сейчас сердце разорвется — оно так колотится. Вы представьте себе — шесть-

десять лет прошло. Во-первых, я не думала, что так долго проживу. Во-вторых, что через столько лет окажусь в этом помещении. Прямо поразительно. Спасибо Вам.

Мы выходим на мороз. Смирнова подходит к стене дома, прикладывает к ней руку и долго молчит. Ее глаза... Если бы вы могли их видеть в тот момент! А на память приходит все та же песенка Лидии Смирновой. Точнее, ее финал: «Значит, ты ушла, моя любовь!»

Что с актрисой было потом? Эвакуация. Но «Музы не молчали». Смирнова продолжала сниматься. На съемках ленты «Парень из нашего города» в Алма-Ате она получила похоронку на мужа. А вскоре на тех же съемках она повстречала известного кинооператора Владимира Раппопорта, который стал ее вторым мужем. Он увез актрису на свою родину. Хотел, чтобы она полюбила его город.

Л. Смирнова: В Ленинграде я очень тосковала. Мне хотелось гулять там, как в музее. Это потрясающий город, потрясающий. Но какой-то холодный для меня. И через полгода я сказала: «Больше не могу жить в Ленинграде!» А в Москве у меня была маленькая тринадцатилетняя или одиннадцатиметровая комната в коммунальной квартире на Большой Полянке. Та комната, которую я оставила, когда уезжала в эвакуацию, уже была потеряна.

М. Г.: И Вы вернулись в эту комнату, да?

Л. Смирнова: Я вернулась в эту комнату, и Раппопорт, бедный, тоже со мной переехал, он вынужден был. Но для него в комнате не было места: я спала на диване, а посередине стоял стол и что-то еще... Тогда он поставил раскладушку под стол, на ней и спал. А он уже был трижды или четырежды лауреатом Государственной премии.

В то время у нас были очень трудные съемки – у него свои, у меня мои. А в квартире жили дети. Когда однажды ночью я вышла на кухню, то увидела двух мальчишек маленьких, руки которых были запущены в мою кастрюлю, откуда они вылавливали куски мяса и с удовольствием его ели. Это, так сказать, жизнь коммунальной квартиры.

Берия тогда был все. И мы написали письмо Берии, что мы – два лауреата, творческие люди живем в таких невозможных условиях: не высыпаемся, не можем нормально работать. И стали ждать ответа. Но однажды утром вышла газета с портретом Берии, из которой мы узнали, что он арестован.

Прошел месяц, прошло два. Мы подумали, что если даже кто-то распорядился, чтобы нам дали квартиру, все равно все уже погибло. И вдруг меня вызывают по телефону в дом на Котельнической набережной и сообщают, что нам выделена квартира: «Будете смотреть?» Я говорю: «Не буду, сразу выписывайте ордер!»

Взяла ключи, поднялась вот сюда на этаж, вошла в квартиру и обалдела. Мне показалось, что это рай. Когда я спускалась вниз, то потеряла сознание, а когда пришла в себя, то увидела что лежу распластанная в лифте, зонтик – в одной стороне, сумка – в другой, надо мной чье-то мужское лицо. «Гражданка, что с Вами?» – «Я квартиру получила. Квартиру получила!»

Все шло своим чередом. Жизнь приносила все новые роли и все новые встречи. Уже в зрелом возрасте Лидия Николаевна знакомится с самым своим любимым человеком – режиссером Константином Воиновым. Именно он открыл Смирнову как замечательную характерную актрису. Он научил ее не бояться возраста, а использовать его. Научил ее, что актрисе можно быть смешной... И мы получили блистательную характерную актрису.

Миф, легенда, звезда – это из лексикона журналистов, писавших о ней и хоть раз видевших ее не на экране. А звезда должна жить на небе. И вот мы в гостях на небе – это тринадцатый этаж знаменитой московской высотки, что на Котельнической набережной. Задираю голову. Шпили и башни устремлены куда-то в космос. Когда-то по плану советского прави-

тельства этот дом должен был заселить цвет советской же интеллигенции. Не помню, было ли 50 лет назад в ходу слово «престиж», но здесь жили буквально все: Марина Ладынина, Галина Уланова, Нонна Мордюкова, Фаина Раневская, Клара Лучко... Звонок. Смирнова открывает сама. Квартира двухкомнатная. Полная шкафов, забитых куклами всевозможных калибров. «Не страшно ей тут ночью?» – думаю я, пока оператор ставит свет.

Ее доброта, ее нежность, ее достоинство. Она не выглядит моложе своих лет, подлинный живой классик, но при этом каждое мгновение ты ощущаешь: рядом находится Женщина!

Прихлебывая чай из кружки, задаю последний вопрос.

М. Г.: *Лидия Николаевна, столько лет Вы в Москве провели. Можно сказать, что Москва — лучший город на земле?*

Л. Смирнова: Конечно, здесь я корнями выросла. Я знаю Москву, особенно, конечно, старую Москву. Все знакомо: каждый дом, каждый магазин. Сretenские ворота, весь город. Вот эти знаменитые дома России, они считались одними из лучших домов. Они хорошо построены, смотрите, до сих пор стоят, какие они крепкие, какие они замечательные. Какая архитектура! Мы здесь снимали картину «Трое вышли из леса» с Воиновым. Вот в этом подъезде. Опять воспоминания... Поэтому здесь столько родного и столько вложено сердца, умения и эмоций, что, когда приезжаешь сюда, нельзя быть хладнокровной. Москва – прекрасный город!

Людмила Чурсина

Людмила Алексеевна Чурсина родилась в Душанбе (Сталинабаде) 20 июля 1941 года. Окончила театральное училище имени Б. В. Шукина. В кино с 1961 года, первая роль в фильме «Когда деревья были большими». С 1963 года – актриса театра имени Вахтангова, с 1965 – киностудии «Ленфильм», с 1974 – театра драмы имени А. С. Пушкина в Ленинграде, с 1984 – Центрального театра Советской Армии, с 1994 года играла в Московской драматической труппе «Блуждающие звезды. Советская кинозвезда, ставшая эталоном красоты для нескольких поколений. Лучшие роли в кино: Дарья («Донская повесть»), Виринея («Виринея»), Анфиса («Угрюм-река»).

М. Г.: *Насколько я знаю, Вы никогда не собирались стать актрисой. Чем Вы были увлечены, когда были девочкой?*

Л. Чурсина: Я была большой хулиганкой. Все деревья, крыши были мои, я руководила всеми боями на улицах. И всем от меня доставалось. Когда уже училась в школе, я увлекалась такими науками, как геометрия, физика – сложными, серьезными. И училась очень неровно, а по поведению даже подчас бывали двойки, потому что много кикиморничала, много дурачилась, но в седьмом классе взялась за ум и закончила школу с медалью.

М. Г.: *Актрисой Люда быть не собиралась.*

Л. Чурсина: Нет, потому что я была длинная и нескладная, я стеснялась своего роста, для того времени 1 м 76 см или 1 м 77 см – это было очень высоко. Мне хотелось быть ниже. Каблуки для меня были запрещены, школьные вечера и танцы тоже, потому что партнера не находилось. От этого я очень страдала.

М. Г.: *И как Вы оказались в Москве?*

Л. Чурсина: В Москву я приехала со своей школьной подругой. Она собиралась поступать в театральный вуз, а я – в МАИ. Поскольку в МАИ экзамены намного позже, и медаль моя предполагала только собеседование, то я пошла с подругой просто за компанию, ведь всякой девочке интересно все театральное: театральный институт, балет... Такое ощущение, что это легкая, прекрасная профессия: красные ковры, аплодисменты, цветы. Только потом узнаешь, что она не только прекрасная, но и мучительная.

М. Г.: *Что Вы читали при поступлении?*

Л. Чурсина: При поступлении я читала то же, что в школьном литературном кружке – «Белый пудель» Куприна. Кусочек, где ночью мальчик прокрадывается и спасает пуделя, и пудель радостно визжит. И я вот визжала, лаяла. Мне сказали: «Так, хватит!» Потом я читала «Лягушка и вол» и с испугу перепутала – не лягушка на вола прыгнула, а вол на лягушку. В общем много было нелепостей...

М. Г.: *Подождите, а как Вы лаяли?*

Л. Чурсина: Ну как? (Она показывает, все покатываются со смеху.) И даже громче.

М. Г.: *Насколько я знаю, Вы поступили сразу в три театральных учебных заведения.*

Л. Чурсина: Да, я во ВГИКе вроде бы прошла, в ГИТИСе и в Щукинском, и, по-моему, даже в Щепкинское подавала. Понаслышке я знала, что все абитуриенты поступают сразу в несколько вузов – кто где пройдет. Ну а потом, уже немножечко освоившись, мне стало понятно, что более всего котировался актерский факультет в Щуке. Заместитель ректора поставила меня к стене в аудитории и попросила сказать «мама». Я пропищала. У меня был очень высокий голос. Знаете, такая высокая девица, с косой, в самом нарядном платье, которое мне мама сшила на выпускной бал, у меня было такое декольте, что мне казалось – я просто обнажена до пояса. И она попросила меня сказать «мама». Она сказала, что для моих внешних данных у меня очень высокий голос, надо его опустить. Я жутко обиделась, но послушалась.

Уже во время учебы Чурсина стала активно сниматься в кино. Но в театрах не любят новичков, известных всей стране. Легко ли было нашей героине в начале пути?

М. Г.: *Уже во время учебы в училище Вы снимались в нескольких фильмах, и, когда пришли в театр молодой артисткой, Вы уже были, если не кинозвездой, то известной всем по экрану.*

Л. Чурсина: «Утренние поезда», «На семи ветрах», «Когда деревья были большими» – это были такие эпизодические роли. И когда я пришла в театр Вахтангова, еще только снималась «Донская повесть» – первая картина, где у меня была главная роль. Она как раз пришлась на конец учебы, так что где-то в конце 4-го курса я начала сниматься и, уже завершив учебу, поступив в театр, отпросилась сразу на съемки.

М. Г.: *Расскажите, как Вы работали в театре Вахтангова, какие роли Вы играли, с кем?*

Л. Чурсина: В театр Вахтангова, начиная с первого курса, студентов приглашали в массовые сцены в «Турандот», и это был праздник для нас. Мы играли рабынь, но имели счастье наблюдать блистательных актеров: Юлию Константиновну Борисову, Николая Гриценко, Михаила Ульянова, Юрия Яковлева, Людмилу Максакову. Затем – «Русский лес», в «Идиоте» даже какой-то эпизодик у меня был. А когда я уже пришла в театр, сыграла сразу главную роль в спектакле «Новые знакомые» в постановке Симонова, Василий Лановой играл садовника, а я – официантку Настю. Рубен Николаевич предполагал со временем ввести меня в «Идиота» на Настасью Филипповну. Затем я начала репетировать леди Анну с Михаилом Александровичем Ульяновым. Ну а затем – решение выйти замуж, а предполагаемый муж жил и работал в Ленинграде, и я как-то легкомысленно рассталась с театром. По-моему, это был первый в истории опыт, когда начинающая актриса, у которой все складывалось благополучно, попрощалась с театром.

М. Г.: *То есть, это тот редкий случай, когда актриса жертвует уже сложившейся карьерой ради любви?*

Л. Чурсина: Да, ради любви.

Впервые в моей практике прозвучал такой ответ на этот нелегкий вопрос. Когда-то Галина Борисовна Волчек со смехом сказала, что она отказаться от театра ради любви никогда не пробовала. А Алиса Бруновна Фрейндлих, подумав, ответила: «Теперь, наверное, могла бы. Ради внуков...» Чурсина сделала это ради любви к мужчине.

М. Г.: *А как Вы встретились с Владимиром Фетиным?*

Л. Чурсина: Это было на съемках «Донской повести». После того как закончились съемки, уже было понятно, что мы равнодушны друг к другу. Человек он был очень самобытный, талантливый, невероятно интересный рассказчик. У него были такие красивые руки, такая мощная мужская ладонь, и он всегда что-то рассказывал, показывал интересно. Режиссер, который смог найти ко мне, еще неопытной актрисе, подход в такой сложной роли, как шолоховская Дарья. У него был какой-то особый метод работы со мной. Хотя уже на второй картине, когда мы снимали «Виринею», он сказал: «Тебя надо разозлить, чтобы от тебя чего-то добиться». Потому что я все время пытаюсь быть доброжелательной.

М. Г.: *Людмила Алексеевна, еще была очень забавная история Вашего знакомства с Евгением Леоновым?*

Л. Чурсина: Та встреча была действительно конфликтной, потому что его, как героя, интересовал момент гармонии роста, а я была много длиннее по сравнению с ним. Впервые увидев меня, Леонов спросил режиссера: «Как же я буду с ней сниматься?» Я сказала, что если нам суждено вместе работать, пусть закажет себе скамеечку. Ну и он мне однажды отомстил. Мы отрепетировали сцену, одну из самых лирических, я пошла гримироваться (костюм всегда был на мне), возвращаясь к своему плетню, у которого мы должны стоять, и вдруг вижу, там копают яму. Спрашиваю: «Что вы делаете?» Рабочий отвечает: «Яму копаю» – «Кому?» – «Да не знаю, Леонов сказал копать». Подходит Евгений Павлович, я говорю: «Евгений Павлович, что, почему?» Он отвечает: «Чтобы тебя туда поставить, ты будешь ниже». Действительно, я встала в ямку, и как-то все стало уравновешенно.

А когда-то Людмила Алексеевна всерьез оказалась перед опасностью стать заложницей своего амплуа.

М. Г.: *Насколько я понимаю, после «Донской повести» Вас начали преследовать роли казачек, как и могло быть с девушкой такой фактуры...*

Л. Чурсина: Вы знаете, не только казачек, но и женщин сельской жизни, соответствующих профессий. И в основном это были роли, притянутые ко мне за уши. Если у Шолохова была драматическая судьба женщины, ищущей своего счастья на земле, когда по ней ходят то белые, то красные, то зеленые, и она просила: «Уйдем отсель, Яша, хозяйство свое заведем, сын у нас будет». И боялась, что «коммунист под общее одеяло всех баб спать загонит». В общем – трагический финал. Все, что предлагалось мне потом, было менее интересным, и мне всегда хватало ума отказываться. Но иногда жизнь вознаграждает: «Виринея», затем «Угрюм-река», но до этого была еще очень дорогая для меня роль эстонки Инги в фильме «Два билета на дневной сеанс». И, как оказалось, я – замечательная характерная актриса. Просто внешность бывает обманчива. И не всегда режиссер удосуживается попытаться развернуть актера другой стороной, попытаться отойти от того, что лежит на поверхности. И слава богу, сейчас в театре мне это удается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.